

Советская
этнология

Э.А.Паин

ДИНАМИКА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

России в наследство от СССР досталось два типа социального взаимодействия русского и нерусского населения. Первый можно условно назвать сегрегационным; второй – конкурирующим¹. В первом случае четко выражена разделенность национальностей, как, например, в республике Саха (Якутии). Здесь этнические саха (якуты) в наибольшей мере представлены в сфере управления, здравоохранения, просвещения, науки, культуры и искусства. Русские же заняты преимущественно в сфере индустрии, добывающей промышленности, имеют значительно большую долю рабочих и меньшую – управленцев. Аналогичная ситуация сложилась в Туве, Дагестане, в Карачаево-Черкесской и в ряде других республик.

Другой тип социального взаимодействия – конкурирующий – характерен для более или менее сходных структур занятий у титульных народов республик и русских, когда они в одинаковой мере претендуют на одни и те же рабочие места. Это в наибольшей степени проявилось в Татарстане. Здесь в большинстве отраслей, за исключением сельского хозяйства, где преобладают специалисты-татары, примерно поровну представлены обе основные национальности.

Процессы социального взаимодействия народов

Разделительные и объединительные процессы, в разных соотношениях характеризуют этнополитический транзит практически на любом историческом отрезке времени. В постсоветской России преобладают процессы этнической дивергенции, хотя бы потому, что модернизация у нас сопровождается процессами, порожденными распадом СССР. В таких условиях неизбежно усиливается этническая консолидация, обостряется этническое самосознание, возрастает и разнообразие этнополитических процессов. В статье мы рассмотрим три типа таких процессов: 1) процессы социального взаимодействия этнических общностей; 2) процессы межэтнической кооперации в экономической сфере; 3) нелинейные процессы, характер которых может изменяться на разных временных этапах. В ряде случаев в статье используется весьма распространенное ныне выделение двух этапов постсоветского периода: «эпохи революции» и «эпохи стабилизации».

¹ Дробижеева Л. М.,
Паин Э.А.
Особенности этнополитических процессов и становления этнической политики в Современной России
// Политические и экономические преобразования в России и Украине. – М., 2003.

О перспективах обеих моделей спорят ученые и в России, и в мире. При сегрегационной модели, с одной стороны, этнические группы занимают «свои ниши», взаимно дополняют друг друга и заинтересованы во взаимодействии, а с другой, различия в отраслевой занятости связаны с неравенством в оплате труда, условий трудовой деятельности, получении материальных благ и социального престижа, доступе к власти. Поэтому не исключено, что конкурирующая модель оказывается нередко более перспективной и позитивной. Во всяком случае, при этом в социальной сфере люди разных национальностей переживают общие трудности и радости, могут лучше понять другого. Не потому ли татарстанская модель выдержала испытание экономическим кризисом 1998 г. и ни разу не сопровождалась групповыми столкновениями или другими проявлениями насилия?

Ко времени, которым мы датируем начало «эпохи стабилизации» (1999 г.), русские в республиках оценивали свое материальное положение хуже, чем представители титульных национальностей. И это несмотря на то, что за 10 лет русские не понизили своего реального социально-профессионального статуса ни в русских областях, ни в автономиях². В частности, исследования в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане и в Оренбургской области показали, что среди русских доля перешедших из руководителей и специалистов высшего звена в низшие страты составила в республиках 20-23%, а в области – 25%. В Татарстане у татар эта доля была даже выше, чем у русских – 28%), следовательно, ни у русских, ни у татар нет реальных оснований связывать понижение своего социального статуса с этническим ущемлением. Тем не менее, в обследованных регионах *русские чаще, чем представители других национальностей, отмечали, что они испытывали ущемление по национальному признаку* в трудовой сфере, хотя и среди них доля подобных оценок была не высока и колебалась по регионам в пределах 8-15% от опрошенных русских.

В целом уровень психологического самочувствия и удовлетворенности своим статусом у большинства народов России был выше, чем у русских. Объясняется это многими причинами, в частности тем, что у башкир, татар, якутов доля повысивших статус по сравнению со своими отцами (межпоколенная мобильность) больше, чем у русских.

Довольно четко прослеживаются три типа динамики социального взаимодействия русского и нерусского населения республик. Первый – догоняющий тип, когда отстававшие в прошлом народы постепенно выравниваются с русскими (например, башкиры, калмыки, кабардинцы, некоторые другие народы). Второй – равно статусный тип, когда уже в 70-е и 80-е гг. в основном сложился сходный социальный состав с русскими в республиках (Татарстан, Северная Осетия – Алания). Третий – обгоняющий тип – в прошлом отстававшие народы обогнали русских по доле лиц с высоким социальным статусом. (Саха-Якутия, Бурятия).

² *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность.* – М., 2002.

³ Дробижеева Л. М.,
Пайн Э.А. Указ. соч.

Противоречивый характер сближения социальных структур. В целом можно отметить, что новая Россия унаследовала от СССР высокую динамику процессов сближения социальной структуры контактирующих народов. Если к концу 80-х гг. 11 из 21 народа титульных национальностей автономий РФ имели равные с русскими показатели в рассматриваемой сфере, то к концу 90-х все титульные национальности сравнялись с русскими или даже стали опережать их³.

Вместе с тем, несмотря на сближение социального статуса народов, на протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов сохранялись и существенные различия между ними.

Так высокая доля сельского населения у многих титульных народов затрудняла, а в ряде республик и до сих пор затрудняет возможности социальной мобильности. Сельские жители республик, как правило, слабо владеют русским языком, на котором до недавнего времени была построена вся система образования в городах. Только со второй половины 90-х гг. в Татарстане, Башкортостане, в Саха (Якутии) и в ряде других республик появилась возможность сдавать экзамены на родном языке, и то лишь в некоторые вузы.

Разные соотношения долей интеллигенции и работников квалифицированного и неквалифицированного труда создавали неравные шансы народов для вхождения их в рыночную экономику, участия в приватизации и формировании новых социальных групп. Так, для включения в трансформационные процессы существенное значение имеет специфика отраслевой занятости национальностей. На старте экономических реформ 1990-х годов наиболее крупные индустриальные кадры имели татары, удмурты, башкиры, карелы, хакасы, чуваша. В городах соответствующих автономий их доля достигала 55-60% занятого населения этих национальностей. Наименьшая же занятость в промышленности характерна для алтайцев, калмыков, якутов, национальностей Дагестана.

Наибольшие социальные различия в регионах России проявляются на «верхних» этажах социальной лестницы, определяющих возможности доступа представителей разных национальностей к собственности и власти, т. е. на уровне социальных и политических элит.

Проблема элитных групп стала обсуждаться практически одновременно с развитием национальных движений в союзных республиках СССР. Уже в конце 80-х – начале 90-х гг. было ясно, что от того, кто лидирует в республиках, зависит политическая и социально-экономическая направленность трансформации общества. Однако теперь можно сказать, что некоторые сложившиеся тогда и бытующие по сей день представления о роли элит оказались сильно упрощенными.

Скажем, несмотря на предубеждения в отношении бывших коммунистических функционеров, оказалось, что в ряде стран СНГ они проявили большую приспособленность и к развитию национальной

экономики, и к относительной толерантности в отношении к этническим меньшинствам, чем их предшественники – лидеры радикальной антикоммунистической направленности. Во всяком случае, это было заметно по сравнению с эпохой правления таких лидеров как З.Гамсахурдия в Грузии и А.Эльчибей в Азербайджане.

Неоднозначно может быть оценена политическая роль национальной элиты и в России. Лидеры Татарстана, хотя и именовались в московской демократической прессе «партократами» и «красными баронами», однако первыми в регионах допустили частную собственность на землю и в целом активно стимулируют частное предпринимательство. Некоторые бывшие коммунистические руководители, например М.Шаймиев и Ф.Мухаметшин, сумели привлечь к сотрудничеству наиболее способных людей (экономистов, политологов, социологов) из антикоммунистической оппозиции и эффективно включить их во властные структуры.

Неоднозначно влияет на транзитные условия регионов и такой фактор, как внешняя конфронтационность региональной элиты с федеральным центром. Например, в республиках и областях, демонстрирующих полную лояльность Москве, на местных выборах зачастую побеждали коммунисты, и реформы шли очень медленно (Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Алтай). В то же время в некоторых регионах, казалось бы, конфликтующих с центром (Татарстан, Новгородская и Свердловская области), были созданы более благоприятные условия для реформ, а роль коммунистов была наименьшей.

Наибольшее влияние на общеполитическую ситуацию в регионах, особенно на их взаимоотношения с федеральным центром, оказала ориентация этнических элит на конвенциональную или конфронтационную модели решения спорных вопросов.

Самые характерные примеры таких моделей демонстрируют соответственно Татарстан и Чечня. В начале 90-х гг. обе республики находились примерно в равной оппозиции центру, отказавшись от подписания Федеративного договора. Однако впоследствии представители татарской элиты продемонстрировали способность мирного урегулирования конституционного конфликта с центром. М.Шаймиев неоднократно повторял, что для него «главное – не втянуть народ в войну»⁴. Иначе вели себя и иные цели декларировали чеченские лидеры. Именно они своей неуступчивой, негибкой политикой во многом способствовали началу войны как в 1994, так и в 1999 г. Разумеется, нельзя только этим объяснить причины возникновения ни первой, ни второй чеченских войн – значительная ответственность лежит и на политическом руководстве России.

В целом неадекватная оценка роли этнических элит весьма характерна для современного политического анализа. Как уже отмечалось, чаще всего имеет место ее преувеличение, прежде всего, в рамках так называемого инструменталистского подхода, сводящего чуть ли

⁴ Дробижева Л.
Говорит элита
республик Российской
Федерации. 110
интервью Леонаиды
Дробижевой. – М.,
1996.

не всю совокупность причин возникновения этнополитических проблем к действиям национальных элит, именуемых исключительно в негативных тонах «этническими антрепренерами». При этом совершенно не учитывается множество объективных обстоятельств, определяющих степень их радикализма. Это и неодинаковая актуальность этнической консолидации у этнических групп, и разный потенциал протестного поведения в разных регионах и, конечно же, неодинаковые действия центрального правительства в разных ситуациях, а также конкретные особенности международных связей разных этнических общностей и многое другое.

В то же время нельзя недооценивать роль региональной, в том числе и этнической, элиты в России. В предшествующие периоды власть играла слишком большую роль в стране. Это было приемлемо для тоталитарного общества. Однако в условиях демократического транзита неразвитых институтов демократии и гражданского общества, неопределенности распределения компетенций центральной и региональных властей, от таких элит стало зависеть намного больше, чем прежде, особенно когда они сконцентрировали в своих руках власть в регионах.

В ряде республик заметны и порождают недовольство диспропорции в представительстве различных национальностей в органах власти. Имеет место как недостаточное представительство титульных национальностей в органах власти многих республик, так и диспропорции иного рода – их чрезмерное представительство. Например, башкиры (22% населения Республики Башкортостан в 90-х гг.) имели в нижней палате (палата представителей) Государственного собрания автономии 43,7% депутатских мест, а в верхней (законодательная палата) – 55%. Таким образом, башкир-депутатов в два раза больше, чем их доля в населении, а русских – почти в два раза меньше. В Татарии, при соотношении русских и татар примерно 6 к 4, они представлены в парламенте в противоположных пропорциях. В Государственном совете Татарстана татары после выборов 1999 г. составляли 75% депутатского корпуса, а русские – менее четверти. В Государственном собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) после выборов 1997 г. саха составляли 73,1% (при 39% всего населения). Подобные несоответствия были и в большинстве других автономий России⁵.

Трудно объяснить столь заметные диспропорции в депутатском корпусе республик какими-то случайными обстоятельствами или только личностными качествами конкретных депутатов. О том, что это отражает определенную политику этнических элит, свидетельствует и состав исполнительной власти. В том же Башкортостане все ключевые посты вертикали власти – президент, глава его администрации, премьер-министр, государственный секретарь – заняты башкирами. Они же преобладают в кабинете министров (60%) и в составе глав администраций (55%)⁶. Аналогичная ситуация в Саха (Якутии), где 70% министров – якуты.

⁵Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации 1995-1997 гг.

Электоральная статистика. – М., 1998. – С. 129.

⁶ Галлямов Р. Р. Постперестроечная эволюция политических элит российских республик: этнический аспект // Этнопанорама. 2000. № 1. – С. 20-27

В то же время федеральный центр, вместо того чтобы противостоять концентрации власти в руках отдельных этнических групп, проводя демократические реформы управления, напротив, еще более усиливает этнически сегрегационный принцип подбора кадров. Назначая на руководящие должности преимущественно русских и представителей других национальностей в тех сферах регионального управления, которые находятся в ее исключительной компетенции (правоохранительные органы, федеральная служба безопасности, таможня и др.), Москва тем самым как бы задает норму поведения и для республиканских лидеров.

С 2000 г. эта тенденция особенно усилилась, когда такими назначениями (часто из числа военнослужащих и офицеров секретных служб) стали заполняться практически все высшие посты федеральных чиновников в регионах, начиная с полномочных представителей президента в федеральных административных округах.

Между тем, участие во власти воспринимается людьми как индикатор равенства или неравенства этнических групп. Особенно важно для населения, кто имеет непосредственный доступ к использованию ресурсов, бюджета, собственности, назначениям на руководящие должности, т. е. причастен к исполнительной власти. В российских республиках, например в Карачаево-Черкессии, были прецеденты, когда именно из-за назначений на ключевые посты разгорались острые межгрупповые этнические конфликты. Постоянно делятся посты ключевых фигур во власти с учетом национальной принадлежности в Дагестане (как элемент консоциальной демократии).

Когда же реальная власть в полиэтнических регионах сосредотачивается в руках лиц одной национальности, то все промахи, недостатки приписываются уже не просто какому-то одному лицу, а этой национальности в целом. Вот почему доминирование русских в органах федеральной власти все больше будет приводить к тому, что любые недовольства властью будут ассоциироваться не только с Москвой, но и с русскими вообще. Точно так же доминирование представителей титульных национальностей в республиках может развить у проживающих там русских фобии к нерусским народам.

**Процессы
межэтнической
кооперации**

Кооперация в различных сферах является неизбежным следствием взаимоотношений контактирующих народов, однако влияние модернизации лучше всего проявляется в сфере экономики. В этой связи весьма нетривиальные и важные результаты получены исследовательским коллективом под руководством Л.М.Дробижевой. Эти исследования показали, что в современных условиях далеко не всякие формы экономической деятельности стимулируют межэтническую кооперацию. Так, люди, ориентированные на деятельность в сферах, которые можно отнести к так называемой «распределительной» экономике,

весьма заинтересованы в этнической маркированности и этнической сплоченности («работать со своими»). Сами распределительные отношения являются питательной средой для воспроизводства латентных этнических иерархий, как следствия этого, этнического неравенства – воображаемого или реального.

Совершенно иные отношения складываются в рыночных сферах экономики. Условия взаимодействия в этой сфере либо полностью нейтрализуют, либо значительно снижают потребность (или привычку) в этнической маркированности трудовых отношений и таким образом служат реальной почвой для межэтнической интеграции в полиэтнических средах⁷. Весьма существенно и то, что рыночные отношения стимулируют межэтническую кооперацию как в легальной, так и в «теневой» экономике. Исследования автора показывают, что межэтническая кооперация расширяется и углубляется даже в такой сфере как торговля наркотиками.

⁷ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002. – С. 177-178.

Процессы этнополитической дивергенции

Подавляющее большинство процессов в сфере этнического развития и межэтнических отношений, наблюдаемых в постсоветский период истории России, можно отнести к разряду дивергентных, связанных с ростом этнического разнообразия, этнической специфики в культуре и образе жизни. Основным источником такой дивергенции стал рост этнического самосознания большинства народов России, что, в свою очередь, тесно связано с процессами дезинтеграции бывшего Советского Союза.

Кризис идентичности. Новая Россия наследовала высокую мировоззренческую разобщенность граждан и кризис гражданского самосознания.

Это объясняется комплексом причин. Во-первых, тем, что жители РСФСР еще в рамках СССР редко ассоциировали себя именно с Россией – Родиной для них был весь Советский Союз, и его распад болезненно переживали большинство россиян (и не только русские), привыкших жить в большой стране⁸. Во-вторых, российская идентичность рождалась не в ходе национальных движений, как в других новых независимых государствах: русские националисты (обычно именуемые «национал-патриотами») мечтали о восстановлении империи, а националисты в российских автономиях – о большей независимости от Москвы.

Когда рухнула коммунистическая идеология, ушли привычные социальные и территориальные представления, обострились отношения между регионами и центральной властью, лишь этничность оставалась основой для групповой консолидации людей.

С ростом этнической идентичности нерусских народов их региональная самоидентификация усиливается, а у русских, особенно в республиках, – ослабевает⁹.

⁸ Арутюнян Ю.В. Постсоветские нации. – М., 1999. – С. 81-82.

⁹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. – М., 2002.

См. также:
Лробижва Л. М.,
Пайн Э.А.
Особенности этнополитических процессов становления этнической политики Современной Росси и //Политические и экономические преобразования в России и Украине. – М., 2003.

¹⁰ Там же.

Этносоциологические исследования показывают, что среди опрошенных татар считали себя только татарстанцами 30%; россиянами и татарстанцами, но больше последними – 36%; в равной мере теми и другими – 24%; только россиянами – менее 10%. Примерно такое же соотношение было у якутов, башкир и осетин¹⁰.

Можно сделать следующие обобщенные выводы о соотношении общероссийской и региональной идентичности у представителей титульных национальностей республик РФ:

- во-первых, исключительно или преимущественно региональная идентичность характерна для подавляющего большинства (свыше 2/3) опрошенных в этих общностях, в то время как равная российская и региональная идентичность присуща лишь менее четверти опрошенных;
- во-вторых, несмотря на то, что двойственная идентичность (общероссийская и региональная) разделяется более чем половиной опрошенных, тем не менее, почти треть респондентов, граждан страны, не проявили никаких признаков общероссийской самоидентификации. Вероятно, именно они могут стать потенциальной базой развития этнического сепаратизма в той или иной республике в случае обострения отношений с федеральным центром и при вспышках межгрупповых этнических конфликтов.

Во многом иная структура самоидентификации у русских, хотя так же, как и в других группах, свыше 60% русских идентифицируют себя двойственно – и как жителей, граждан России, и как жителей конкретных регионов. Вместе с тем, в этой группе в 4-5 раз больше опрошенных, по сравнению с представителями титульных национальностей республик, считают себя только россиянами. Такой ответ дали от 40 до 50%) русских в обследованных регионах. Весьма существенно, что у русских, в отличие от других национальностей, вовсе не было случаев подавления общероссийской идентичности региональной. Первая выражена у них заметно сильнее, чем у представителей других национальностей.

Своеобразно проявляется у русских влияние этнической идентификации на общероссийскую. В группах с высоко актуализированным русским этническим самосознанием больше людей считает себя «преимущественно россиянами», а не гражданами той или иной республики. Однако рост общероссийской идентификации этнического большинства не выступает в качестве основы для этнополитической интеграции народов России, поскольку сопровождается ростом так называемых «этноэкслюзивных настроений», наиболее радикальным выражением которых выступает лозунг: «Россия для русских».

Этнодемографическая дивергенция. Исследования изменений численности, состава и расселения этнических общностей могут использоваться в качестве весьма информативного индикатора характера

модернизационных процессов. Они, например, указывают на проявления дивергенции в этнодемографической структуре общества под влиянием как культурных изменений (роста этнического самосознания), так и политических перемен, например, демократизации. Так, расширение в России возможностей свободной этнической самоидентификации обусловило появление 45 новых этнических общностей (всего их фиксируется в статистике 176) за период между последней советской переписью населения (1989 г.) и первой российской (2002 г.).

Политические процессы, связанные с распадом СССР, оказали заметное влияние и на **изменение соотношения различных этнических общностей в составе населения России**. В наибольшей мере это сказалось на изменении соотношения русских как этнического большинства населения России и других народов федерации. В начале 90-х гг. долговременная тенденция сокращения доли русских в населении страны ненадолго переломилась, что было обусловлено, прежде всего, притоком граждан из новых независимых государств. Только в 1996 г. миграционный прирост в данной этнической общности на территории Российской Федерации составил 300,9 тыс. чел. (67,8% всего миграционного прироста)¹¹. Однако уже к середине 90-х годов выяснилось, что миграционный приток русских лишь частично компенсирует их значительную естественную убыль. По расчетам директора Центра демографии и экологии человека А. Вишневого, численность русских в России с 1989 по 1999 гг. в целом сократилась почти на 2 млн чел.

На фоне сокращения доли русских и всех других славянских народов в Российской Федерации особенно впечатляет рост доли других народов, прежде всего тех, которые условно можно объединить в одну группу под названием «народы, исторически связанные с исламом», или «исламские народы». Доля этих народов выросла более чем на 2/3, причем особенно интенсивно в последнее десятилетие XX века¹².

Наиболее заметно изменение соотношения русских и других народов России в региональном разрезе. Русские уже сегодня являются этническим меньшинством в подавляющем большинстве республик Северного Кавказа (за исключением Республики Адыгея). Их отток оттуда начался еще в 70-х гг., а вооруженные конфликты, особенно чеченская война 1994-1996 гг., сделали этот процесс необратимым. Об этом можно судить по продолжающемуся исходу русских не только из Чечни. Например, из Дагестана в 1997-1998 гг. уезжало в год по 3-4 тыс. чел. Северная Осетия – Алания, Ингушетия, Кабардино-Балкария имели отрицательное сальдо русских мигрантов при положительном сальдо миграции представителей титульной национальности, в Карачаево-Черкесии доля выбывших русских во много раз превосходила долю выбывших мигрантов титульной национальности¹³.

¹¹ Численность и миграция населения в 1996г. - С. 46.

¹² Богдавленский Д. Этнический состав населения России// Население и общество. 1999. № 41.

¹³ Демографический ежегодник России. – М., 1999. – С. 366-371.

В республиках Сибири русские сейчас в меньшинстве только в Туве, но, скорее всего, уже в ближайшие годы станут меньшинством также и в Бурятии. Что касается Якутии, то здесь возможен существенный рост доли якутов в населении республики, которые в перспективе могут сравниться по численности с русскими.

В Поволжье русские по переписи 1989 г. составляли меньшинство в Чувашии и большинство в Башкортостане (42% населения), хотя и уступали татарам и башкирам, вместе взятым. Тенденция уменьшения доли русских в Башкирии стала заметной уже по данным микропереписи 1994 г., и, судя по сложившимся тенденциям, уже при очередной переписи они утратят статус даже относительно наибольшей этнической группы. В Татарстане на протяжении 90-х гг. неуклонно сокращалась доля русских на фоне роста татар. Перепись населения 2002 г., скорее всего, укажет на то, что русские составляют там менее половины населения. Если прогнозы дальнейшего уменьшения доли русских в Поволжье и в Сибири действительно сбудутся, то уже в ближайшие годы русские составят меньшинство почти на половине территории Российской Федерации. Это чрезвычайно важная тенденция, которая будет оказывать все большее влияние на целый спектр этнополитических процессов. Прежде всего, ее следовало бы учитывать тем политикам и аналитикам, которые полагают, что этнический фактор не существенен в такой стране, как Россия, где русские составляют абсолютное большинство населения. Подобные рассуждения изначально были политически некорректными, сейчас же становятся еще более сомнительными, учитывая тенденцию уменьшения численности и доли русских, а также сужения ареала их расселения.

Русское население все больше сосредоточивается на своих традиционных территориях – в краях, областях – и сокращается численно в большинстве республик. Эта тенденция особенно рельефно проявилась в 1991-1994 гг., когда процесс миграционного перераспределения населения был особенно заметен. По расчетам А.Сусарова, в 1994 г. выросло в сравнении с переписью 1989 г. число регионов России (с 44 до 49), в которых доля русского населения была выше средней и составляла от 85 до 95% населения. Почти все они представлены «русскими» краями и областями и лишь одним автономным образованием – Еврейской автономной области (87,4%) её населения тогда составляли русские)¹⁴.

В то же время представители крупнейших титульных национальностей российских республик увеличили свою численность и удельный вес в составе населения районов традиционного проживания и одновременно уменьшили своё присутствие в большинстве других регионов. Исключением стали лишь марийцы, хакасы, алтайцы и балкарцы, доля которых в населении соответствующих республик уменьшилась¹⁵. Таким образом, в начале 1990-х произошли существенные

¹⁴ Расчеты проводились А.Сусаровым по материалам микропереписи населения России в рамках проекта «Nationalities Development in the Russian Federation».

¹⁵ Там же.

сдвиги в расселении народов России, проявлялась тенденция «стягивания» этнических общностей к своим национальным очагам.

Наибольшие в относительном измерении потери в численности среди народов страны были у евреев (18%), для которых истекшее десятилетие стало временем массовой эмиграции, так же как и для немцев. Сократилась в России и численность диаспор некоторых новых независимых государств, прежде всего, ее западных соседей – белорусской, латышской, литовской и эстонской. Одновременно росла численность диаспор народов Средней Азии (за исключением киргизов) и Закавказья, особенно за счет беженцев из зон этнических конфликтов. Так, в России численность таджиков почти удвоилась, а армян – возросла на 64%).

Продолжается сокращение численности большей части коренных малочисленных народов Севера. В большинстве автономных округов оно даже интенсивнее, чем за их пределами. Между тем, национальные округа некогда были специально созданы для поддержки коренных народов Севера. Ныне этот статус зачастую используется пришлым этническим большинством лишь для того, чтобы бесконтрольно, не оглядываясь на федеральный центр, эксплуатировать природные ресурсы данных территорий. Эти экстенсивные, нарушающие традиционное природопользование формы хозяйствования острее, чем где бы то ни было, противоречат интересам коренных малочисленных народов¹⁶. Подобная практика – один из самых серьезных упреков национальной политике России последнего десятилетия XX века.

Насколько же устойчива тенденция «стягивания» этнических общностей к своим национальным очагам? Нельзя исключать возможность того, что она носит временный, исторически преходящий характер и в случае экономического, особенно промышленного подъема России усилится территориальная мобильность, а следовательно, и смешение этнического состава населения в эпицентрах такого роста. Однако пока это характерно в основном для Москвы и некоторых других крупнейших городов России. В большинстве же регионов тенденция концентрации этнических общностей в своих традиционных ареалах возможно и ослабла, но пока сохраняется и может принять затяжной характер. Вряд ли в обозримой перспективе можно ожидать существенных изменений в этническом расселении на территории республик Северного Кавказа, Сибири и Поволжья. Здесь, скорее всего, этническая однородность населения и рост доли представителей титульного населения будут по-прежнему возрастать.

Подобные процессы должны настораживать федеральные и местные власти в тех случаях, когда они сопровождаются оттоком тех этносоциальных групп, которые являются в некоторых регионах основными носителями светской интернациональной культуры. С понижением

¹⁶ В условиях абсолютного преобладания нетитульного населения в большинстве округов представители коренных этносов «вполне демократично» оказались почти полностью отстранены

ее влияния открываются возможности роста этнического и религиозного экстремизма.

Этнокультурная дивергенция. Последнее десятилетие XX века было для народов России временем наиболее свободного выбора пути своего этнокультурного развития. Это стало возможным благодаря не только Конституции страны и федеральным законам, но и региональному законодательству, а также бюджетным возможностям республик самостоятельно распределять средства на развитие культуры. Новое проявилось, прежде всего, в изменении соотношения доли лиц, владеющих языком своей национальности, что не меньше, чем сдвиги в этническом составе, расселении и миграциях, отражает процесс этнокультурного возрождения этнических общностей и, соответственно, рост своеобразия этнокультурного ландшафта России.

Эта тенденция радикально отличается от той, которая наблюдалась в последние десятилетия существования СССР. Тогда в языковой сфере России наблюдалась тенденция неуклонной русификации нерусского населения страны¹⁷.

С 1989 по 1994 г. языковая ситуация начала изменяться. В это время у некоторых титульных национальностей России стала увеличиваться доля лиц, считающих родным язык своей национальности. Например, у тувинцев в 1994 г. впервые за несколько десятилетий доля людей, считающих родным язык титульной национальности, приблизилась к 100%, (точнее эта доля составила 98,4%). У титульных народов Северного Кавказа эта доля стала колебаться от 96,4 до 98,3%, у других титульных народов страны – от 60 до 90%.

Меньше других признавали родным язык своей национальности представители малочисленных народов российского Севера, все более утрачивающих знание родного языка (от 47 до 10%), а также у дисперсных групп этнических меньшинств, в среде которых доминировали стремления эмигрировать на свою этническую родину. Например, среди поляков считают родным соответствующий язык – 20%), а среди евреев – 11%¹⁸.

Третья по численности (после русских и татар) этническая общность России – украинцы – в своем большинстве являются русскоязычными и не стремятся перейти на украинский язык¹⁹. Из 4,36 млн украинцев, которые, по данным переписи 1989 г., проживали в России, лишь 42,8% считали его родным. Особенно заметна утрата признаков этнической самобытности у украинцев, живущих в городах. Предпринимавшиеся неоднократно попытки открыть для них национальные школы в Москве, Санкт-Петербурге и в других крупнейших городах страны не увенчались успехом. Несмотря на значительную государственную поддержку, организаторы таких школ не смогли набрать желающих обучаться даже для наполнения одного класса²⁰. В то же время традиционное украинское культурное своеобразие неодинаково сохраняется в разных регионах России

¹⁷ Алексахина Н. Национально-языковая ситуация в Российской Федерации // Этнополитический вестник. 1995. № 6. – С. 139-147.

¹⁸ Расчеты проводились А.Сусаровым.

¹⁹ См.: Соколов С. К вопросу о положении с языком и культурой украинского национального меньшинства в Российской Федерации // Диалог украинской и русской культуры в Украине. – Киев, 1999. – С. 48.

²⁰ Там же.

²¹ *Народы России: Энциклопедия. – М., 1994. – С. 360.*

Наибольшая доля лиц, считающих родным языком украинский, – среди жителей Волго-Вятского (51,2%) и Северного (47%) экономических районов²¹ – сложилась потому, что само переселение сюда украинцев происходило сравнительно недавно, в основном, в 30-80-х гг. XX века из сельских районов Украины. Поэтому можно предположить, что они еще не забыли родной язык.

Объективно, самым украинизированным регионом России является Северный Кавказ, главным образом Краснодарский край. В 1792 г. черноморские казаки, правопреемники запорожских, были переселены на Кубань, а их потомки освоились и в большинстве прилегающих к ней районов Северного Кавказа. Однако, начиная с 30-х гг., усилилась ассимиляция украинцев, их переход на преимущественное использование русского языка даже в быту.

Тенденция возрождения этнической самоидентификации украинцев в России, рост их интереса к культуре и истории своего народа прослеживается и в ряде других регионов. Свидетельство этому – открытие украинских школ в местах компактного расселения украинцев: в Башкирии, в Тюменской области, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах²².

²² *Соколов С. Указ. соч. – С. 48.*

Таким образом, при уменьшении вмешательства государства в культурную жизнь народов ослабевают тенденции культурной унификации и активнее проявляется стремление личностей и этнических общностей к сохранению и возрождению своего этнокультурного своеобразия. Однако реальные возможности для этнического самосохранения и развития имеют лишь крупнейшие народы – русский и титульные нации республик России. Что касается малочисленных народов и этнических меньшинств, то нынешние условия, очевидно, не благоприятствуют сохранению не только национального языка и культуры, но и самой численности этих этнических групп российского населения.

Вместе с тем, даже у самых многочисленных народов России освоение родного языка идет неравномерно. Так, наметилось несколько большее использование языка титульного этноса дома, в общественном транспорте, в учреждениях сферы обслуживания. В этих сферах стало заметно, что люди не стесняясь, как иногда раньше – в 70-80-е гг., – свободно говорят на родном языке. Однако на работе подавляющее большинство нерусских народов по-прежнему использует русский язык. Язык по-прежнему остается «маркером» «этнической границы». Доминирующее большинство нерусских знают русский язык, и для них не существует языковых преград к общению и социальному продвижению (во всяком случае, для горожан). Иная ситуация складывается в автономиях. Здесь очень немногие русские знают язык титульной национальности, а стремление к его освоению со временем стало падать. Выучить такой язык для многих представителей

этнического большинства оказывается трудно, как по объективным причинам (отсутствие школ, курсов, преподавателей, свободного времени для изучения «чужого» языка), так и по субъективным – ощущении ненужности затрат таких усилий, поскольку рядом живущие люди могут говорить по-русски и осознании, что «мы, русские, живем в своем государстве, где русский язык признан государственным».

В результате *реальное двуязычие русских в республиках не только не развивается, но и снижается*. В Татарстане в 1994 г. 63% русских горожан хотели, чтобы их дети знали татарский язык, а сейчас лишь 10% из них считают нужным обучать детей в двуязычных школах. В Республике Саха (Якутии) – соответственно 50 и 24%²³.

Обострение межэтнических отношений. Этот процесс является наиболее рельефным проявлением дезинтеграционных тенденций. В то же время является некорректной распространенная, особенно на Западе, оценка межэтнических отношений в постсоветской России как повсеместно ухудшающихся²⁴.

Характер межэтнических отношений сильно различается по регионам России.

На Северном Кавказе на протяжении всего постсоветского периода уровень межэтнических отношений оценивается как наименее благоприятный, уже длительное время идут военные действия, а межэтническое напряжение проявляло себя уже с начала 90-х гг.²⁵

В республиках Сибири, особенно в Туве и Бурятии, этносоциологические исследования 90-х гг. зафиксировали высокую солидаризацию по этническому принципу и большую, чем в других регионах (за исключением Северного Кавказа), «готовность к любым действиям во имя интересов своего народа», хотя в конце 90-х напряженность здесь стала ослабевать²⁶.

Вопреки представлениям о Татарстане и Башкортостане как республиках этнического неблагополучия, в них сохраняются достаточно благоприятные межэтнические отношения. Это подтверждается систематически проводимыми здесь социологическими опросами. В результате приток русского населения сюда не прекращался.

Феномен Татарстана достаточно интересен для всей мировой практики. Здесь действительно предъявлялись серьезные этнические претензии на повышение статуса республики, ее особое положение. Заявление элиты о суверенности автономии в 90-е гг. поддерживали 70% татар. Известный американский конфликтолог Д.Хоровиц в г. прогнозировал неизбежность возникновения там межэтнической конфронтации. К счастью, оказались правы те, кто говорил о том, что конфликта удастся избежать²⁷.

Другая ситуация в Башкортостане, где сохраняется потенциальная возможность осложнения отношений между тремя основными этническими общностями – русской, татарской и башкирской – в связи с

²³ Дробижева Л.М.,
Пайн Э.А. Указ.

²⁴ Оценками такого рода была переполнена научная литература и публицистика первых постсоветских лет. См., например, Д. Ольшанский. Политическая психология распада // Независимая газета. 16.01.1992; Р.Пайнс. Русский шанс // Столица. 1992. № 27; Л.Шевцова Ловушка для президентов // Литературная газета. 30.06.1993.

²⁵ См., подробнее: Э. Пайн. Чеченский и другие конфликты в России//Международная жизнь. 1998. № 9.

²⁶ Дробижева Л. А.,
Пайн Э.А. Указ. соч.
– С. 250.

²⁷ Дробижева Л.М.,
Аклаев А.Г.,
Короблева В. В.,
Солоатова Г. У.
Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М., 1996.

языковыми и этнодемографическими проблемами (например, изменением численности русских), а также непропорциональным представительством этнических групп во власти. Однако вероятность открытых конфликтов невелика, учитывая неконфронтационность сложившихся в республике этнических элит.

Все другие республики Поволжья и Урала не продемонстрировали значимых национальных движений и этнической мобилизации. Хотя уровень этнического самосознания титульных этносов здесь тоже вырос, характер межэтнических отношений существенно не менялся.

В самой большой по площади республике Российской Федерации – Саха (Якутия) – межэтнические отношения нельзя оценить как напряженные, но они сложнее, чем в Поволжских автономиях. Закрепленное социально-культурное разделение труда, особенно в сфере управления, стимулирует латентное напряжение у русских (до 30%). У якутов чрезвычайно высоки показатели потребности в этнической консолидации (до 80%), интенсивности этнических чувств (до 70%) и ощущений ущемления своих прав по этническому принципу (до 20% саха в городах). Для сравнения, среди татар в Татарстане ощущения дискриминации испытывают лишь 5%. Все это также может вести к обострению межэтнических отношений.

Однако в реальности перерастание психологической напряженности между основными этническими общностями Якутии в открытые столкновения маловероятны. Дело в том, что серьезным фактором, сдерживающим эскалацию межэтнических противоречий, выступают особенности расселения народов. Большинство русских локализованы в западных, добывающих, районах Якутии, где они живут в своей среде, и частые контакты с якутами ограничены. В то же время нельзя исключить, что в случае нарастания межэтнической конфронтации возможно усиление сепаратистских настроений в западных районах республики.

Намного спокойнее ситуация в Татарстане, хотя здесь сравнительно высока религиозность населения, а социологические исследования показывают, что религия разделяет народы²⁸. Около 70% татар в городах – верующие (в селах – более 80%), и еще около 15% – колеблющиеся. Доминирующая часть из них – мусульмане. И у русских теперь в городах не менее 60% верующих и около 15%) колеблющихся. В 1997 г. более 87% опрошенных русских в Татарстане ответили, что они чувствуют себя «близкими» и «очень близкими» с татарами, но вдвое меньше русских чувствовали какую-то близость с мусульманами. То же самое татары. Среди них около 96% чувствовали «близкими» и «очень близкими» с русскими, но с православными – только 26%²⁹.

Еще сильнее русские ощущают дистанцию с буддистами. В Туве 60-70% русских и тувинцев чувствовали взаимную близость, но с

²⁸ Дробижеева Л. М., Пайн Э.А. Указ. соч. – С. 252.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

представителями иной конфессии (буддисты – православные) – около 10%³⁰.

Самые распространенные межэтнические проблемы в большинстве национальных республик в основном связаны с вопросами отношения «чужих» к национальной культуре, к сохранности родного языка, а также с проблемой доступа разных этнических групп к управлению. При этом, «неравный доступ к управлению», в качестве проблемы, чаще всего упоминают русские жители республик, обследованных группой Л.М.Дробижевой. У представителей других национальностей проявления этнической неудовлетворенности в основном были связаны с «неприятными высказываниями о них в русских СМИ и при бытовом общении», с фактами «неуважения к национальным обычаям и традициям», выражающимся как в действиях федеральных властей («не того назначили» или «неправильный закон приняли»), так и в нежелании русских «считаться с нашей культурой».

В городах с доминирующим русским населением, в том числе Москве, Санкт-Петербурге, проблемные ситуации возникают в связи с притоком мигрантов с Кавказа, из Средней Азии. Антикавказские установки стали расти с середины 90-х гг. По данным разных социологических центров (ВЦИОМ, РОМИР, Институт социологии РАН, Институт этнологии и антропологии РАН), они проявляются у 50-60% населения, а античеченские – у 70%.

Вместе с тем, большинство россиян готово к межэтническим контактам в принципе и весьма заинтересовано в улучшении межнациональных отношений в России.

Этно- политические конфликты

К сожалению, наиболее известной особенностью этнополитической ситуации России в последнее десятилетие XX века стали открытые этнополитические конфликты. После распада СССР на территории России зафиксировано два длительных вооруженных конфликта с участием регулярных войск, около 20 кратковременных столкновений, повлекших человеческие жертвы, и несколько десятков невооруженных конфликтов, имеющих признаки острой этнической конфронтации.

Бесспорно, в России наибольшее внимание властей и общества приковывают к себе проблема поддержания внутренней стабильности, урегулирования внутренних конфликтов. После распада СССР аналогичная угроза долго витала над Россией³¹. Каждый этнический конфликт актуализировал эту угрозу, особенно в условиях преобладания у ее населения не столько правового, сколько прецедентного сознания. При этом, практически любой конфликт, возникший на этнической почве, несет в себе как минимум зародыш сепаратистских (сепаратистских) тенденций. Понятно, что у властей государств, чьи

³¹ См.: *Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия* / Под ред. Д.Азраэля, Э.Пайна, Н.Зубаревич. – М., 1997. – С. 38-51.

территории подлежат в этом случае дроблению, подобные стремления не вызывают сочувствия. Чем настойчивее притязания национальных движений, тем жестче ответная реакция федерального центра. Поэтому внутренние этнотерриториальные конфликты по степени вызова, предъявляемого российским властям, могут быть ранжированы.

Конфликты, возникшие в результате притязаний существовавших ранее национально-территориальных автономий на полный государственный суверенитет; к таковым на территории Российской Федерации относится только Чеченский конфликт.

Конфликты, развившиеся как следствие провозглашения этническими общинами новых национально-территориальных автономий или одностороннего повышения ими статуса существующих, но без формального притязания на создание на базе этих автономий независимых государств (подобные акции оказывались нередко лишь прелюдией к требованиям полного суверенитета, поэтому власти обычно стремятся воспрепятствовать и акциям этого типа); на такой основе развиваются конфликты между балкарским национальным движением и прокабардинскими властями Кабардино-Балкарской республики, между лидерами различных этнических общин Карачаево-Черкесии и ее властями, отказавшимися признать провозглашенные Карачаевскую, Черкесскую, Абазинскую и казачьи – Урупско-Зеленчукскую и Баталпашинскую республики³².

Конфликты между соседними этническими группами или несuverенными республиками, претендующими на контроль над спорными пограничными территориями (речь идет, прежде всего, о потенциальных конфликтах между многочисленными этническими общностями Дагестана, а также спор между Северной Осетией и Ингушетией из-за Пригородного района, полвека назад переданного из состава существовавшей тогда Чечено-Ингушской автономной республики в состав Северной Осетии и с тех пор выступавшего предметом притязаний со стороны ингушских лидеров национального движения³³.

Наиболее взрывоопасными очагами потенциальных конфликтов в Дагестане являются *лезгинский* (лидеры лезгинского национального движения «Садвал» выступают за создание в границах ареала исторического проживания лезгин, охватывающего южный Дагестан и северный Азербайджан «республики Лезгистан» (в составе РФ)); *чеченский* (чеченцы-акинцы добиваются преобразования многонационального Хасавюртовского района и части Новолакского района Дагестана в национальный чеченский район, возможно с последующим его присоединением к Чечне); *тюркский*, развивающийся под напором требований, предъявляемых властям республики ногайцами и кумыками. Предметом притязаний ногайского национального движения «Бирлик» является образование ногайской территориальной автономии

³² См.: Государственные акты Карачаевской республики. – Карачаевск, 1990; Обращение к жителям Карачаево-Черкесии // День республики. 11.03.1992; Аверин И. Казаки – этнос или сословие? // Независимая Газета. 1992. № 93.

³³ См.: Касаев А. Политические аспекты применения силы в осетино-ингушском конфликте, октябрь-ноябрь 1992 г. // Как делается политика в США и в России. М., 1996. – С. 204-226.

в пределах исторически заселенных ногайцами районов в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае и в Чечне. Ногайцев поддерживает другая тюркоязычная народность Дагестана – кумыки, также притязавшие на собственную территориальную автономию, но в рамках Дагестана. Национальное движение кумыкского народа «Тенглик» выступает за федерализацию Дагестана, видя в ней единственную гарантию защиты интересов тюркоязычных народов в условиях доминирования в республиканских структурах власти «горских» этносов, прежде всего, аварцев и даргинцев. Подспудная «горско-тюркская» борьба за власть усугубляется давней борьбой за землю, связанной с историческим процессом переселения горцев на равнину, где издавна жили кумыки. В 1990-х годах обострились и **внутриконфессиональные противоречия** между представителями традиционного для этого региона течениями суннитского ислама и так называемыми ваххабитами.

Все эти конфликты ведут обычно к фактическому раздроблению государства и общества, внутри которого они развиваются, даже если подобные споры и не выливаются в конце концов в вооруженные столкновения, как это произошло с осетино-ингушским конфликтом.

По характеру и уровню существующей и потенциальной конфронтации регионы России могут быть отнесены к трем типам зон³⁴.

Зоны вооруженных межнациональных и региональных конфликтов – это регионы, где идут военные действия либо наблюдается неустойчивое перемирие, при котором вооруженные столкновения спорадически возобновляются в виде отдельных вспышек насилия. Таковы Чеченская Республика и Пригородный район Северной Осетии.

Зоны этнополитической напряженности – территории, на которых в настоящее время сложилась обстановка этнопсихологического, идеологического и политического противостояния между различными общинами, партиями, националистическими организациями и слаба возможность местных властей остановить эти процессы. Такая ситуация складывается в Дагестане и Карачаево-Черкесии.

Зоны потенциальной этнополитической конфронтации – территории, где пока не наблюдается идеологически или политически выраженных конфликтов между разными этническими общинами или региональными группами населения, однако в силу различных причин, прежде всего, исторических, имеются потенциальные предпосылки для возникновения межнациональной напряженности, которая при некоторых условиях может перерасти в острые этнополитические конфликты. К этой зоне можно отнести многие регионы Южного федерального округа, включая не только республики, но отдельные районы Краснодарского и Ставропольского краев. Ростовской и Волгоградской областей, а также Туву, Якутию. Башкирию.

³⁴ Использовано, в основном, (с некоторыми авторскими упрощениями) зонирование проведенное А. Поповым.

См. Пайн Э.А. (Ред.)
Концепция государственной политики России в зонах этнических конфликтов на территории СНГ. – М., 1994.

**Нелинейные
этно-
политические
процессы:
основные
этапы
развития
федеративных
и меж-
национальных
отношений**

Поэтапные процессы, содержание которых, а также мера и формы зависимости от модернизации, могут меняться при переходах от одного периода к другому, не поддаются классификации по шкалам: «унификация – рост специфичности» или «интеграция – дезинтеграция».

За годы после распада СССР Россия прошла несколько этапов в развитии федеративных и межнациональных отношений и на каждом этапе сталкивалась с особым комплексом проблем, решаемых то более, то менее успешно. Главное содержание этих этапов – изменение взаимоотношений федерального центра и регионов, прежде всего, центра и республик.

Период «парада суверенитетов» (1991-1993 гг.).

К концу 1991 года все республики приняли декларации о суверенитете³⁵. В конституциях ряда республик Северного Кавказа, Поволжья и Сибири под давлением радикальных национальных движений были закреплены некоторые нормы, противоречащие Конституции Российской Федерации в части, затрагивающей целостность государства и права человека.

В наиболее острой форме эта тенденция проявилась в Чеченской Республике, объявившей о выходе из состава России. Осенью 1992 г. после задержания правоохранительными органами России лидера кабардинского национального движения и Конфедерации Народов Кавказа Муссы Шанибова толпы его сторонников окружили правительственные здания в столице Кабардино-Балкарской республики. В то время в этой республике проявились и другие признаки такого развития ситуации, которые в Чечне привели к вооруженному мятежу. Фактически, перед Россией в то время стояла реальная угроза насильственного отторжения от нее ряда республик, чреватого неминуемыми кровавыми конфликтами.

Стремился обрести максимально возможную самостоятельность Татарстан. О серьезности его намерений свидетельствуют принятые республикой конституция и конституционные законы³⁶.

Российские власти, напуганные взрывом вооруженных национальных конфликтов в ряде регионов федерации, и помня уроки не слишком удачной национальной политики Горбачева, поначалу крайне лояльно отнеслись к принятию республиками деклараций о суверенитете. Центр не препятствовал и изменению статуса национальных образований, созданию в некоторых из них института президентства. Повышению их реального политического веса способствовало создание Совета глав республик под председательством Б.Ельцина, на котором решались важнейшие вопросы федеральной политики.

Это дало положительные результаты – до 1992 г. страна была едва ли не единственным многонациональным государством, сумевшим избежать на своей территории кровавых этнических конфликтов.

³⁵ Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликта к поиску согласия // Отв. ред. ЛзраэлДж., Пайн Э. и Зубаревич Н. – М.: Комплекс-Прогресс, 1997.

³⁶ См.: Пайн Э.А. «Татарстанский договор» на фоне «чеченского кризиса»: проблемы становления федерализма в России//Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Культура. Институт мировой экономики и междунациональных отношений РАН.-М., 1995. – С. 163-168.

Однако уже к 1993 г. уступки администрации Б. Ельцина республикам стали предметом нарастающей критики его со стороны политической оппозиции, преимущественно прокоммунистической, в Москве и в особенности в регионах.

Развернувшаяся в 1992-1993 гг. борьба за власть между двумя «центрами силы» в России (президентом и парламентом) существенно ослабляла Федерацию. В этой борьбе обе стороны спекулировали на проблемах федерализма и сепаратизма, что приводило к несогласованности действий государственных органов и делало невозможным проведение Россией целостной федеративной и национальной политики.

Следствием конфликта в высшем эшелоне власти стало и «расползание двоевластия» по регионам, где тоже развернулась борьба между представителями исполнительной и законодательной власти. Все это к осени 1993 г. привело к вероятности полного коллапса власти и неконтролируемого распада страны. Можно по-разному оценивать трагические события октября 1993 г., когда с помощью вооруженных сил был распущен Верховный Совет России, но, справедливости ради, нужно признать, что конец двоевластия положил начало восстановлению управляемости государством.

Период мирного укрепления федерации (1993-1994 гг.).

Разумеется, важным фактором восстановления авторитета федеральной власти явилась ее вновь обретенная способность использовать различного рода санкции против нарушителей федеральных законов, не опасаясь углубить внутривластную оппозицию. Осознав это, вскоре после октябрьских событий большинство региональных советов отменило свои решения о неисполнении указов президента РФ. Проявленная федеральной властью решительность в пресечении экстремистских действий (например, в недопущении захвата правительственных зданий в столице Кабардино-Балкарии) также позволила резко снизить межнациональную напряженность и укрепить целостность страны. И все же главный итог октябрьских событий и последовавших за ними выборов в Федеральное собрание состоит, на наш взгляд, в том, что они подтолкнули власть, как федеральную, так и региональную, к изменению политической тактики, к поиску согласия и компромиссов.

Этапными вехами на этом пути стали заключение Федеративного договора (1992 г.), Договора об общественном согласии (1994 г.), договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным центром и органами власти ряда республик (1994—1994 гг.). Практически была исключена вероятность заявления кого-либо из руководителей республик, краев, областей о возможности выхода из состава федерации, о целесообразности самостоятельного существования вне России. Показательным является положение Договора об общественном согласии, подписанного всеми субъектами федерации

(кроме Чечни), о том, что «...реализация прав субъектов Федерации возможна только при обеспечении государственной целостности России, ее политического, экономического и правового единства».

Одним из первых практических выражений новой концепции «согласия» стал договор «О разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан». Он резко ослабил позиции радикально националистических сил в республике, которые до того времени были одними из самых влиятельных в стране.

Период попыток сохранения целостности федерации военными средствами (1994-1996 гг. и 1999 г.).

В декабре 1994 г. федеральные власти впервые предприняли попытку военным путем подавить чеченский сепаратизм. После упорных боев российская армия формально взяла под свой контроль свыше 90% территории, по крайней мере, были взяты («освобождены») все города республики. Однако именно после этого началась партизанская война. Двухлетняя военная операция завершилась подписанием в августе 1996 г. так называемых Хасавюртовских соглашений. Какое то время казалось, что мирная жизнь в Чечне налаживается, однако в октябре 1999 г. после вылазки объединенных чеченских и дагестанских ваххабитских групп в Дагестан снова возобновились военные действия, которые публицисты окрестили «второй чеченской войной», а военные – «операцией по подавлению терроризма».

Вторая чеченская компания не завершена и сегодня (к 2004), при этом потери российских войск, даже по официальным данным, уже больше, чем были в первой. Между тем, история подобных событий в XX веке показывает, что чем дольше затягивается военная операция, тем меньше шансов на успех имеет наступающая сторона. Объясняется это следующими причинами:

- регулярная армия не может быть дислоцирована длительное время на территории, большая часть населения которой относится к ней враждебно. В таких случаях войска неизбежно деморализуются, что и подтвердили прошедшие судебные процессы над военнослужащими российского корпуса в Чечне;
- чем дольше длится война, тем больше экономических тягот испытывает все общество. Какое-то время эти затраты не так уж сильно ощущались, поскольку частично компенсировались высокими доходами от продажи нефти и газа по весьма благоприятным для России ценам. Однако при изменяющейся конъюнктуре на мировом рынке многолетние расходы могут стать чрезвычайно обременительными;
- чем дольше тянется война, тем большая часть населения страны испытывает недовольство. Кто-то лишился своих сыновей на

войне, кто-то вынужден обслуживать родственников-инвалидов чеченских войн, кто-то испытывает тревогу за своих детей, которым предстоит служба в армии. Даже в советское время, отличавшегося несравненной большей, чем ныне закрытостью информации о потерях армии, постепенно нарастало недовольство населения ростом человеческих жизни в ходе военных операций подобных тем, какие проводились, например, в Афганистане. Ныне же потенциал подобного недовольства намного выше, поскольку в массовом сознании растет ценность человеческой жизни;

- армию, которая длительное время не может достичь решающей победы, перестают бояться не только партизаны, но и потенциальные повстанцы других районов. Следовательно, функция российской армии по сдерживанию радикального сепаратизма может ослабнуть.

Хотя придется еще не раз обратиться к теме Чеченской войны, пока замечу лишь, что она является самой больной и сложной проблемой национальной политики России.

Период укрепления «вертикали власти».

Эта политика совпала со временем прихода к власти В.Путина. Проводимые им военные акции по силовому решению «чеченской проблемы» и административные реформы являются проявлениями одной и той же идеологии, которую обычно называют «неотрадиционализмом». С конца 90-х годов в России возобладали ценностные ориентации, характерные для традиционных обществ. Доверием пользуются лишь три института: **правитель** (в личном качестве, а не как институт президентства), **церковь** и **вооруженные силы**, включая военнослужащих МВД и ФСБ, при крайне низком доверии к правительству, к парламенту, к суду, не говоря уже о политических партиях. Главной в политике стала идея выстраивания вертикали власти с президентским аппаратом на ее вершине и усиления роли традиционных для России рычагов управления: прокуратуры, милиции, сил безопасности и др. В этом контексте создание федеральных округов во главе с полномочными представителями выглядит не как продолжение периода реформ, а как возврат к советской традиции назначения в регионы полномочных представителей Центра – партийных секретарей. Именно так это и воспринимается в обществе, при этом традиционность придает этому проекту дополнительную привлекательность, поскольку с конца 90-х годов позитивное отношение к советской эпохе стало преобладающим в общественном мнении россиян.

Развитие правовой и доктринальной базы этнополитики. При всех колебаниях национальной политики России, она все же никогда не выходила за рамки неких доктринальных постулатов, закрепленных в Конституции Российской Федерации и в других правовых актах.

Большинство из этих доктрин основаны на нормах международного права, хотя, к сожалению, не все заимствования из международного права в национальной политике осмысленны. И недостаток осознания пользы подобных заимствований характерен не только для российского общественного мнения, но и для многих представителей политической элиты страны. Прежде всего, это касается «принципа национального самоопределения».

В международных документах, которые закрепляют права человека, одновременно предусматриваются и гарантии соблюдения принципа национального самоопределения. Так, Всеобщая декларация прав и свобод человека ООН, Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятые в 1966 г., содержат положения о том, что «все народы имеют право на самоопределение; все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами; все участвующие (в этих документах. – *Авт.*)... государства... должны в соответствии с положениями Устава Организации Объединённых Наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право»³⁷. На эти положения, закреплённые в Уставе ООН, ссылаются идеологи защиты прав народов.

Есть и другие международные документы, которые увязывают расширение прав человека с гарантиями прав этнических групп. Среди них – Парижская хартия всей Европы от 21 октября 1990 г., европейская Декларация о хартии народов и регионов, принятая в Карлсруэ в 1996 г., и др.³⁸

Понятно, что первая после распада СССР Конституция России 1993 г. не могла игнорировать международные документы, хотя ее составители больше думали не столько о соответствии ее международным стандартам, сколько об адекватности внутренней политической ситуации. Конституция принималась под непосредственным впечатлением от роста национальных движений, распада Союза, сепаратизма в Чечне, деклараций о суверенитете в республиках России. Имел тогда значение и сыгравший свою роль субъективный фактор – президент Б. Ельцин искал в руководителях автономий опору в борьбе с коммунистической оппозицией, составлявшей большинство в российском парламенте. Уступкой национальным элитам стала ст. 5 Конституции РФ, в которой дано определение республик в составе федерации, названных, хоть и в скобках, государствами, – «Республики (государства) имеют право...».

Тогда такую запись большинство оценивало как позитивный для страны в целом компромисс, уменьшающий опасность конфликтов, но впоследствии юристы и политики федерального центра и республик стали интерпретировать эту запись по-разному. Первые считают суверенной только Российскую Федерацию, а вторые – что имеет

³⁷ *Цит. по:*
Дробизева Л.М.
Социальные
проблемы
межнациональных
отношений в
пост-советской
России. – М.,
2003. – С. 27.

³⁸ *Charta Gentium et
Regionum. –
Sfuenchen, 1996. –
P. 77-78.*

место разделённый суверенитет, так как республики названы в скобках государствами, а государство не может быть без суверенитета. С.Шахрай назвал такой суверенитет распределённым³⁹.

Конституция гарантирует права человека, в том числе и лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам: «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26). «Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального или языкового превосходства» (ст. 29). Есть в основном законе страны и положения, касающиеся права на сохранение родного языка (ст. 68), и прав малочисленных народов (ст. 69). Суверенитет Российской Федерации провозглашён от имени многонационального народа (ст. 3). Таким образом, Конституция закрепляет мультиэтническую модель российского общества.

Принципиальное значение для формирования институционального пространства имело принятие закона РФ «О национально-культурной автономии» и Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Это означало: 1) признание того, что национальная политика охватывает все народы, в том числе не имеющие своих административно-политических образований, и 2) возможность самоопределения народов без изменения сложившегося государственного устройства.

Создание этнокультурных общественных объединений, центров, национально-культурных автономий расширяло пространство для формирования гражданского общества. В частности, общественное движение Ассамблея народов России компенсировало отсутствие в парламенте палаты национальностей, бывшей в Совете Федерации до 1993 г.

В результате в 90-е гг. федеральной власти удалось не только предотвратить разрастание этнического сепаратизма, локализовать его, но и создать условия для спада. Утверждение же Концепции государственной национальной политики РФ указом президента от 19 июня 1996 г. повысило значимость этнополитических проблем до уровня оборонных и внешнеполитических. Вместе с тем, этот документ не стал по ряду причин действенным ориентиром для органов государственной власти в решении этнополитических проблем. Он оказался, к тому же, фрагментарным, направленным на решение лишь отдельных задач, вырванных из общеполитического контекста.

Поэтому сейчас, чтобы восполнить такие пробелы, идёт работа по корректировке Концепции, а также подготовка комплекса федеральных законов, среди которых уместно выделить, прежде всего, два закона: «Об уполномоченном Федерального собрания Российской Федерации по правам народов Российской Федерации» и «Об основах -

государственной национальной политики Российской Федерации».

При корректировке Концепции во главу угла ставятся такие цели, как совершенствование государственных структур в интересах граждан всех национальностей, проживающих на территории субъектов федерации; обеспечение межнационального согласия, уважения к традициям народов, «любви к родному краю, к России»; создание условий для социально-экономического и культурного развития народов и их взаимодействия; предотвращение и мирное разрешение межэтнических конфликтов.

Говоря обобщенно, правовую и доктринальную базу этнонациональной политики в России можно оценить как вполне современную и в основном соответствующую международным стандартам, однако, беда в том, что правовые нормы вообще пока слабо влияют на реальные процессы в России, а в этнополитической сфере это особенно заметно. Политические декларации высшего российского руководства и политические программы межэтнической толерантности, разрабатываемые под непосредственным покровительством Президента России, по своему реальному влиянию на этнонациональные процессы не идут ни в какое сравнение с такими конкретными мерами федеральных властей как административная реформа, антитеррористическая операция в Чечне или поддержка определенных политических фигур на губернаторских выборах. Между тем, последствия названных и многих других управленческих решений и действий, зачастую, далеки от тех, на которые рассчитывали власти.